

Борьба за власть между принцами с древности была неизбежна. Даже соперничество и ущемление прав между фракциями влиятельных сановников давно стали привычным делом. Однако лишь в эту минуту Тан Шэнь осознал: в Великой Сун тоже хватало принцев, хватало влиятельных сановников и различных партий, но в Великой Сун был Император Кайпин — Чжао Фу.

Второй принц Чжао Шан, которому на этот раз поручили прием послов Государства Ляо, вовсе не был глуп: накопив силы, он раз за разом брал верх в переговорах с иноземными послами. Но над ним возвышался старший принц Чжао Цзин, славившийся своими талантами; сказывали, что в свое время его хвалил сам Ученый Чжоу из Академии Ханьлинь и что он славился изысканной каллиграфией.

Кроме того, при дворе чиновники из именитых родов и выходцы из бедных семей, престарелые влиятельные вельможи и молодые доверенные лица — все они были лишь черными и белыми костяшками, сошедшимися в непрерывной партии.

Но всё находилось под полным контролем Чжао Фу.

Какими бы причинами Чжао Фу ни руководствовался, выстраивая такие расклады и расстановку сил, его действия привели к тому, что нынешняя Великая Сун стала государством, не имеющим внутренних смут.

На душе у Тан Шэня стало беспокойно. Он тихо вздохнул про себя и опустил взгляд на доску.

— Противоречия при дворе Государства Ляо и раздоры в их императорском дворце — это как нельзя более своевременная помощь для Великой Сун, — произнес Тан Шэнь, возвращаясь к теме, с которой всё началось. — Если грамотно ими воспользоваться, это станет отличным замыслом.

Ван Чжэнь сделал ход и словно лишь теперь услышал слова Тан Шэня. Взглянув на него с легким удивлением, он спросил:

— Разве мы с младшим шиди не играем в вэйцзи? С чего вдруг зашел разговор о Государстве Ляо? Младший шиди воистину всей душой печется о благе государства: даже уйдя со службы и сев за доску, не перестает тревожиться из-за ляоских послов. Такие ценные мужи не должны оставаться в тени.

«Я вообще-то сяошэжэнь четвертого ранга, чиновник Дворца Циньчжэн! — подумал Тан Шэнь. — Если я приеду в родные края навестить родичей, сам правитель управы Гусу будет сгибаться предо мной в три погибели! И ты говоришь, что меня задвинули?!»

— Впрочем, ты все-таки еще слишком молод, — добавил Ван Чжэнь.

Разумеется, Тан Шэнь ничуть не возражал бы против стремительного продвижения по службе — идеальным вариантом было бы уже в следующем году войти во Дворец Циньчжэн в качестве канцлера. Но если бы ему удалось унаследовать должность Су Вэньюня и стать заместителем главы Судебного приказа четвертого ранга, то о дальнейшем повышении в чинах он бы даже не помышлял.

Хоть заместитель главы Судебного приказа имел всего лишь четвертый ранг, под его началом находились дела обо всех провинившихся чиновниках Поднебесной.

Стань он заместителем главы Судебного приказа, расследовать некоторые вещи стало бы

намного проще. Именно поэтому Тан Шэнь изначально искал сближения с Су Вэньюнем. Жаль только, что после происшествия в Цычжоу Су Вэньюнь затаил на Тан Шэня глубокую обиду, и о добрых отношениях между ними теперь вряд ли шла речь.

Тан Шэнь беспомощно покрутил головой и продолжил игру. В этой партии без каких-либо сюрпризов победу вновь одержал Ван Чжэнь.

Накинув лисье плащ-платье, Тан Шэнь попрощался с Ван Чжэнем и собрался домой.

— Младший шиди, не оставить ли тебе в следующий раз у меня дома комплект чиновничьего платья? — предложил Ван Чжэнь. — Тогда не придется возвращаться домой каждый день.

Зимой стояли лютые холода, и Тан Шэню каждый раз приходилось пробираться сквозь ледяной ветер в экипаже, что и впрямь было крайне неудобно. Если оставить чиновничье платье у Ван Чжэня, Тан Шэнь смог бы отдыхать в Резиденции министра и не ехать домой только затем, чтобы переодеться перед утренним выходом ко двору. Подумав, он ответил:

— Тогда в следующий раз я принесу комплект парадного платья и оставлю у шисюна.

Ван Чжэнь поднял фонарь и пошел провожать Тан Шэня к выходу.

Глядя на этот фонарь, Тан Шэнь вспомнил слова Ван Цзыфэна: «Я — тот самый достойный муж, которого и с фонарем среди бела дня не сыщешь», — и невольно фыркнул от смеха. В этот миг раздался голос Ван Чжэня:

— Младшему шиди всего девятнадцать лет, а он уже занимает должность четвертого ранга. Если в ближайшие два года не совершишь великого подвига, получить новое повышение будет совершенно невозможно.

Тан Шэнь и сам это прекрасно понимал.

— Шисюн, не пойми меня неправильно, я вовсе не жажду славы и богатства.

— А ведь я мог бы указать младшему шиди широкую прямую дорогу: подняться до второго ранга за пять лет — задача вполне выполнимая.

Тан Шэнь широко распахнул глаза:

— Шисюн?

Неужели есть такой способ?

Ван Чжэнь поднес фонарь повыше и с улыбкой произнес:

— Способ проще некуда: младшему шиди нужно лишь разорвать со мной все узы, расстаться навсегда и впредь не иметь со мной ничего общего.

Тан Шэнь:

— ...

Слова звучали как безобидная шутка, но стоило Тан Шэню вдуматься, как мороз пробежал у него по коже.

Ведь Ван Чжэнь говорил далеко не только ради шутки.

Тан Шэнь пользовался благоволением государя: за три года службы он поступил во дворец Цинчжэн и стал чиновником четвертого ранга — чжуншу шэжэнем. прослужив всего три года, он уже вошел во Дворец Циньчжэн и стал чиновником четвертого ранга. Он был в добрых отношениях с Ван Чжэнем, перед ним открывалось светлое будущее, и лет через десять он вполне мог бы достичь второго ранга. Однако если ставить целью стать могущественным сановником за какие-то пять лет, то разрыв и вражда с Ван Цзыфэном — поистине кратчайший путь.

Стань Тан Шэнь врагом Ван Чжэня и не ладь он с Су Вэньюнем, в глазах Чжао Фу он превратился бы в идеальную фигуру для сдерживания этих двоих. Чжао Фу стал бы еще сильнее ценить и продвигать его, дабы превратить в сильного противника, способного на равных соперничать с Ван Чжэнем и Су Вэньюнем.

Однако...

Тан Шэнь вымолвил:

— Шисюн, твои слова лишь ранят меня. У каждого свой путь, и, как говорится, делай что должно, а там будь что будет. Я никогда не помышлял об использовании тебя. Шисюн навсегда останется моим шисюном. Как я уже сказал, шисюн Цзыфэн, я не из тех, кто жаждет славы и выгоды.

Вся эта речь сводилась к одной-единственной мысли: я не хочу тебя использовать.

Возможно, поначалу Тан Шэнь действительно подумывал использовать Ван Цзыфэна ради карьеры, но к настоящему моменту он питал к Ван Чжэню глубочайшее уважение и почтение, искренне считая его своей путеводной звездой.

Лян Сун был его первым наставником, открывшим путь к знаниям, а Ван Чжэнь стал учителем на долгой жизненной дороге.

Ван Чжэнь научил его слишком многому, практически за руку введя в эту бескрайнюю чиновничью среду. Лишь сегодня Тан Шэнь по-настоящему осознал: он привык смотреть на Ван Чжэня снизу вверх, привык, что за его спиной стоит этот старший товарищ, сочетающий в себе черты и учителя, и друга. Он доверял Ван Чжэню, он был готов поставить даже собственную жизнь на кон ради этого человека.

Там, в почтовой станции Цычжоу, той сумбурной и страшной ночью, когда Ван Чжэнь распахнул дверь дровяника и спас Тан Шэня...

С того самого мгновения этот шисюн перестал быть ступенькой для восхождения по службе, превратившись в единственного и невосполнимого близкого друга на всю жизнь.

Тан Шэнь сложил руки в приветственном жесте:

— Сказано достаточно. Шисюн, я пойду.

Ван Чжэнь застыл на месте.

Тан Шэнь плотнее запахнул плащ, поднялся в экипаж, и кучер повез его обратно в Поместье Таньхуа.

А позади него Ван Чжэнь стоял с фонарем в руках и долго смотрел вслед, взгляд его был глубоким и задумчивым.

Спустя долгое время дворецкий подошел и произнес:

— Господин, ночной ветер холоден, укройтесь в доме.

— Ты погляди на него, — прошептал Ван Чжэнь. — Ну почему он вечно тревожит мое сердце?

Дворецкий не знал, что ответить. Он слышал разговор Ван Чжэня и Тан Шэня и вырос, считай, на его глазах. Тан Шэнь, услышав те слова Ван Чжэня, посчитал их шуткой или, быть может, легким испытанием верности. Но дворецкий знал: та фраза проверяла вовсе не то, нет ли у Тан Шэня дурных помыслов. Ван Цзыфэн лишь пытался узнать, какое место он сам занимает в сердце младшего шиди.

Глядя на своего господина, всегда столь осмотрительного и сдержанного, дворецкий почувствовал сострадание.

Опустив голову, дворецкий тихо повторил:

— Господин, пора возвращаться.

Ван Чжэнь тяжело вздохнул, и его голос рассеялся в ледяном зимнем ветре, унося с собой бесконечную печаль и грусть.

Впрочем, Ван Чжэню не пришлось ждать слишком долго: всего два дня спустя Тан Шэнь появился в Резиденции министра с фонарем в руках.

Ван Чжэнь поднял на него взгляд. Тан Шэнь с неловкостью произнес:

— Шисюн — тот самый достойный муж, которого и с фонарем не найти. Не сердись на меня больше.

Ван Чжэнь плавно улыбнулся:

— Когда это я на тебя сердился?

— Не сердился?

— Подходи, сыграем партию.

Тан Шэнь:

— ...

«И еще говорит, что не сердился!»

Если не сердился, то зачем опять тащить за доску и мучить?!

Даже проницательный до невероятности Ван Чжэнь не мог предположить, что он всего лишь раскладывал доску, когда пришел Тан Шэнь, и просто решил сыграть, а Тан Шэнь умудрился мысленно прособачить его вдоль и поперек. Сыграв несколько партий, Ван Чжэнь спросил:

— Чиновничье платье принес?

Тан Шэнь обомлел:

— Забыл.

— Тогда принесешь в следующий раз.

— Хорошо.

Закончив партию, Тан Шэнь покашлял, подбираясь к цели своего визита:

— Шисюн возглавляет Приказ серебряных ассигнаций, и мне хотелось бы узнать, как идут дела в ведомстве?

Ван Чжэнь вскинул взор на Тан Шэня:

— С чего это младший шиди внезапно заговорил о Приказе серебряных ассигнаций?

Поколебавшись мгновение, Тан Шэнь решил выложить всё, о чем размышлял в последние дни:

— Прежде Ли Цзиндэ заводил со мной разговор о содержании войска. Шисюн, люди из Ляо неусыпно слепят жадными взорами нашу Великую Сун, и любые полумеры — лишь попытка утолить жажду ядом, они не излечат болезнь в корне. Наша Великая Сун опасается Государства Ляо не из-за чего-то иного, а именно из-за их свирепой конницы. На днях шисюн упомянул о внутренних неурядицах в Ляо, и я подумал: всякая борьба в этом мире сводится к размену фигур...

Спустя десять дней Сун и Ляо заключили мирный договор: в вопросе о битве за город Ючжоу на тридцатом году Кайпин обе стороны пошли на взаимные уступки.

<http://bllate.org/book/18292/1754632>